

Об этнической принадлежности носителей позднесредневековых погребений сынтыштамакского могильника

И. В. Антонов

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева

Уфимского федерального инновационного центра Российской академии наук, Уфа, Россия

Сынтыштамакский курганный могильник, расположенный у д. Сынтыштамак Благоварского района Республики Башкортостан, исследован С. М. Васюткиным в 1966 г. 17 средневековых курганов содержат 19 погребений. Из них 14 погребений, в том числе два впускных, датируются второй половиной XIII—XIV в. Восемь погребений содержали вещи, в шести погребениях вещей нет. Это мусульманские погребения, датируемые XIV в. В историографии предложены версии о принадлежности Сынтыштамакских курганов башкирам, кыпчакам, монголам, носителям памятников мясимовского типа и чияликской культуры. Такой разброс мнений свидетельствует о смешанности элементов вещевого материала и погребального обряда. Сравнительный анализ исключает версии о принадлежности Сынтыштамакских курганов монголам и носителям памятников чияликской культуры, а версия об их принадлежности носителям памятников мясимовского типа не оправдана хронологически, поскольку указанные памятники не выходят за рамки домонгольского периода. Сынтыштамакские курганы земляные, по погребальному обряду наиболее близки земляным курганам Южного Урала кыпчакского времени, в свою очередь сохранившим многие черты огузо-печенежского погребального обряда. В составе кыпчаков могли находиться канглы, восходящие к печенегам. Не менее реальна версия о принадлежности Сынтыштамакских курганов башкирам, происхождение которых тоже связывается с печенегами. Сынтыштамакский могильник находится на Бугульминско-Белебеевской возвышенности, являвшейся, согласно Р. Г. Кузееву, основным районом расселения древнебашкирских племен. Краниологический материал могильника обнаруживает сходство с современными башкирами. В любом случае можно считать, что Сынтыштамакский могильник оставлен кочевниками степной полосы Волго-Уральского региона, переселившимися в приуральскую лесостепь.

Ключевые слова: *Сынтыштамакский могильник, башкиры, канглы, кыпчаки, монголы.*

В этнической истории Южного Урала особенно интересен период XIII—XIV вв. — завершающий этап формирования башкирского этноса. В степной полосе региона остались многочисленные курганные могильники, связываемые с кыпчаками и другими кочевыми народами, входящими в состав Золотой Орды, в лесостепной полосе — грунтовые могильники чияликской культуры, имеющей угорское происхождение. На территории Башкортостана курганные могильники локализируются преимущественно в юго-восточной части, грунтовые — в северо-западной части. Носители этих памятников, хотя и вошли позднее в состав башкир, непосредственного отношения к древним башкирам не имеют. Ареалы памятников кыпчакского типа и чияликской культуры разделены широким пространством в южной части лесостепи на юго-западе современного Башкортостана. Очевидно, где-то там и находились сами башкиры, культура которых в археологии до сих пор не выделена. Памятников в этой части Башкирии известно очень немного. Наиболее крупным из них является Сынтыштамакский курганный могильник.

Сынтыштамакские курганы расположены на юго-западной окраине д. Сынтыштамак Благовар-

ского района, на правом берегу р. Чермасан. Могильник, состоящий из 18 курганов, исследован в 1966 г. С. М. Васюткиным. Один курган относится к абашевской культуре. Остальные 17 курганов содержат 19 погребений, датированных VII—VIII (5) и XII—XIII (14) вв. Два захоронения XI—XIII вв. являются впускными в курганы VII—VIII вв. [См.: Археологическая карта Башкирии, с. 61—62. № 324]. Датировка в данном случае, очевидно, отражает точку зрения Н. А. Мажитова, который поздние Сынтыштамакские курганы (все курганные насыпи земляные, могильные ямы простые) отнес к курганам мясимовского типа XII—XIII вв. [См.: Мажитов, 1977, с. 111, таблица Ж]. Сам же автор раскопок первоначально датировал 14 захоронений второй группы железного века VIII—X вв. и связал их с вторжением в Башкирию в VIII в. тюркоязычных кочевников [См.: Васюткин, 1967, с. 121—123]. Для рассмотрения вопросов датировки и этнокультурной принадлежности памятника необходимо провести анализ погребального обряда и инвентаря.

Насыпи курганов земляные. Диаметр курганов 4—6 м, высота от 8 до 25 см. Погребения курганов 2, 4—6, 9, 11—15, 17—18 основные, курганов 1 и 16 впускные. Могильные ямы прямоугольной

формы (кроме овальной могильной ямы кургана 18), простые, с отвесными стенками, длиной 1,7—2,1 м, шириной 0,45—0,7 м, глубиной 0,6—1,25 м от уровня материка.

В кургане 13 погребен подросток, все остальные погребенные являются взрослыми людьми. Для всех костяков характерно положение вытянуто на спине, руки и ноги тоже обычно вытянуты. У погребенного в кургане 4 отсутствует кисть левой руки. В курганах 5, 12—18 наблюдается положение одной или обеих кистей на тазовых костях или под ними. По положению ног погребенных в курганах 5—6, 13, 15, 18 можно судить, что при похоронах они были связаны в районе колен или щиколоток.

Ориентировка распределяется следующим образом: головой на северо-запад — курган 6, запад — курганы 1, 9, 12, запад-юго-запад — курганы 13—14, юго-запад — курганы 2, 4—5, 11, 15—18. В курганах 1, 4, 12, 18 погребенные обращены лицом кверху, в курганах 2, 13—14 — в правую сторону (в южном направлении), в курганах 5—6, 9 и 15 — в левую сторону (в северном направлении).

В погребениях курганов 9 и 11 под костяками прослежены остатки подстилки из бересты. В погребении кургана 15 под черепом, тазовыми костями и правой бедренной костью прослежены остатки подстилки из древесной коры (луба)¹.

В погребениях курганов 1, 5, 11, 13—14, 16 вещей нет, погребения курганов 2, 4, 6, 9, 12, 15, 17—18 содержали вещи.

Между коленями и под ступнями погребенного в кургане 15 отмечены кусочки толстой кожи, видимо, остатки сапог.

Железные пряжки найдены в погребениях курганов 4 (2 экземпляра), 9 (1 экземпляр), 12 (2 экземпляра), 15 (1 экземпляр). В погребении кургана 12 также найдена костяная подпружная пряжка с железным язычком.

Железный нож в кургане 4 находился в ногах погребенного, в кургане 6 — под правым локтем, там же найдено и железное кресало.

Рядом с левой рукой погребенного в кургане 9 находилась узкая железная сабля, сломанная пополам. Там же, в ногах, находился узкий железный предмет с костяным концом на одной стороне.

В засыпи могильной ямы кургана 4, на уровне ног, найдены четыре обломка костяных накладок на лук. Костяные пластины (накладки лука) нахо-

дились в погребениях курганов 6 (2 экземпляра), 9 (1 экземпляр), 12 (2 экземпляра).

В погребении кургана 6 рядом с кистью левой руки расчищены плоские железные наконечники стрел в берестяном колчане, а под ним — железный колчаный крючок. В погребении кургана 12 близ правой ступни найдены два железных наконечника стрел. Там же, около тазовых костей, с правой стороны, найдены костяные предметы (колчанная петля и втулка).

Единичные кости лошади обнаружены в курганах 6 (около локтя левой руки погребенного), 9 (на груди погребенного), 12 (около кисти левой руки). В ногах погребенного в кургане 4 были положены остатки седла в виде двух полос из нескольких слоев бересты (полки седла или покрытие полок). В курганах 6 и 12 голова погребенного лежала на седле, от которого сохранились, как и в кургане 4, две берестяные пластины. Они, видимо, являются покрытием деревянного ленчика седла, к которому прикреплялись своими краями с помощью узких и тонких костяных пластинок и железных заклепок. В ногах погребенного в кургане 4 находились два стремени в обломках. Аналогичные стремени в обломках в кургане 6 лежали слева и справа от черепа погребенного, выше седла. В кургане 12 стремя в обломках находилось на берестяной пластине сзади черепа погребенного. В кургане 6 под костью лошади обнаружены железные двусоставные удила, в кургане 12 такие же удила находились на берестяной пластине слева от черепа погребенного.

Под черепом погребенного в кургане 4 найдена проволочная серебряная серьга, еще одна серьга с напускной бусиной была сильно сломана. Под черепом погребенного в кургане 17 обнаружены обломки серебряного украшения овальной формы. На пальце левой руки погребенного в кургане 18 находился серебряный перстень, от которого сохранился лишь щиток.

Предметы религиозного культа представлены пластинчатыми фигурками-онгонами. На правой тазовой кости погребенного в кургане 2 найдена человеческая фигурка, вырезанная из тонкой серебряной пластины; под левым коленом — два обломка серебряной пластины (толщиной 0,5 мм); под шейным позвонком — вторая человеческая фигурка со сломанными ногами и рукой².

С. М. Васюткин на основании находок человеческих фигурок и стремян типа Д II по классификации Г. А. Федорова-Давыдова передатировал

¹ Среди погребений кочевников степного Приуралья XII—XIV вв., имеющих внутримогильные конструкции, лубяные подстилки зафиксированы в 3 % случаев [См.: Матюшко, 2015, с. 27].

² Иллюстрации материалов могильника опубликованы С. М. Васюткиным [См.: Васюткин, 1992, с. 114—130], Г. Н. Гарустовичем и В. А. Ивановым [См.: Гарустович, Иванов, 2014, с. 303-306].

погребения II группы Сынтыш-Тамакского могильника второй половиной XIII-XIV в. По мнению автора раскопок, эти погребения оставлены отдельными группами населения, появившегося на территории Башкирии в золотоордынскую эпоху [См.: Васюткин, 1969, с. 71]¹.

Г. Н. Гарустович и В. А. Иванов погребения с вещами датируют XIII—XIV вв., а погребения без вещей считают мусульманскими и датируют XIV в. [См.: Гарустович, Иванов, 2014, с. 181—188]. Погребения курганов 17 и 18 содержат только украшения. Мусульманские погребения в Южном Приуралье появляются только в середине XIV в., в таких погребениях исчезают принадлежности конской сбруи, оружие и предметы быта, но некоторое время еще сохраняются женские украшения [См.: Иванов, Кригер, 1988, с. 30—41]. Таким образом, погребения курганов 17 и 18 тоже можно отнести к числу мусульманских. Иное дело — погребение кургана 2, где из вещей найдены только онгоны, т. е. предметы религиозного культа, никак не связанные с исламом.

По мнению А. Ф. Яминова, Сынтыштамакские курганы лесостепного Приуралья «ни по погребальному обряду, ни по элементам материальной культуры не отличаются от остальных земляных курганов степного Приуралья. А появились они здесь как раз где-то в середине XIV в., так как абсолютное большинство погребений в них являются безынвентарными, т. е. раннемусульманскими. Вероятнее всего, что эти курганы оставлены какой-то небольшой группой степного населения, ушедшей так далеко на север от традиционных районов обитания, от степной смуты» [Яминов, 2005, с. 257.].

Имеются в виду события «великой замятни» в Золотой Орде, разразившейся с начала 60-х гг. XIV в. Таким образом, А. Ф. Яминов напрямую связывает появление Сынтыштамакских курганов с миграцией степного кочевого населения, традиционно отождествляемого с кыпчаками. Однако с учетом «языческих» погребений Сынтыштамакского могильника, которых там восемь, а безынвентарных всего шесть (в любом случае не абсолютное большинство!), предложенная А. Ф. Яминовым датировка представляется слишком узкой и поздней.

В погребении кургана 15, кроме сапог и пряжки, ничего не найдено. Очевидно, это бедное

захоронение. Пряжки, кроме того, найдены в погребениях курганов 4, 9 и 12. Предметы вооружения найдены в погребениях курганов 6, 9, 12. В погребениях курганов 6 и 12 предметы вооружения включают наконечники стрел, колчан и лук. Погребенный в кургане 9, кроме лука, был вооружен еще и саблей. Предметы конского снаряжения найдены в погребениях курганов 4, 6 и 12. Наиболее полный набор в погребении кургана 6 включает седло, стремяна и удила (в погребении кургана 4 отсутствуют удила, а в погребении кургана 12 стремя только одно). Погребение кургана 4 по находкам серебряных украшений можно считать богатым, но там нет предметов вооружения. А в погребении кургана 9, несмотря на наличие сабли, нет предметов конского снаряжения (правда, там, как и в погребениях курганов 6 и 12, найдена кость лошади). Бытовые предметы найдены в погребениях курганов 4 (нож) и 6 (кресало и нож). Таким образом, погребения в курганах 6 и 12 являются захоронениями воинов-всадников. В. А. Иванов и В. А. Кригер погребения в этих курганах датировали XII — началом XIII в. [См.: Иванов, Кригер, 1988, с. 27, 29]. Однако стремяна типа Д II маркируют период второй половины XIII—XIV в. [См.: Федоров-Давыдов, 1966, с. 116]. Да и по наличию онгонов Сынтыштамакский могильник не может быть датирован домонгольским временем.

У бурят идолы и священные изображения называются онгонами, онгонами же называются и некоторые божества низшего порядка.

«Шаманист, будучи по его убеждениям, постоянно окружен враждебными духами, чувствует постоянную потребность в защите и помощи добрых небесных божеств или низших духов, и чтобы помощь их обеспечить возможно скорее в каждую данную минуту, он прибегает к содействию шамана, делающего из дерева, металла или шкуры животного фигуру божества или рисующего на ткани его изображение и затем силою своей молитвы и приносимой жертвы — низводит постоянно или временно в бездушную куклу или лоскуток материи дух божества, вследствие чего куклы и изображения заменяют самое божество» [Хангалов, 2004, с. 275—276].

Фигурки человека, вырезанные из бронзового плоского листа, в большом количестве найдены в культурном слое золотоордынских городов Поволжья (Новый Сарай, Укек, Великие Болгары) и в погребениях на груди костяков (с. Рудни Камышинского уезда, курган 1, раскопки П, с. Рыкова, одна фигурка; с. Молчановка Николаевского района Волгоградской области, курган 3, раскопки И. В. Синицына, две фигурки).

¹ Затем эти же погребения были датированы в пределах второй половины XIII — начала XIV в. [См.: Васюткин, 1992, с. 126]. Датировка позднесредневековых погребений Сынтыштамакского могильника XIII—XIV вв. закрепила в справочной литературе [См.: Гарустович, 2010, с. 185].

«В Поволжье фигурки человека подобного типа встречаются только в памятниках золотоордынской эпохи. Трудно сомневаться в том, что они были принесены сюда монголами в XIII в. После принятия ислама в Золотой Орде они сохранились как пережиток шаманизма. Таким образом, эти фигурки — один из немногих элементов материальной культуры собственно монгольского кочевого населения, принесенный в Восточную Европу. Характерно, что те немногие черты материальной культуры кочевников Восточной Европы, которые можно связать с монгольским этносом, концентрируются почти исключительно в поволжских и заволжских степях (монгольский головной убор — бокка, фигурки человечков и некоторые другие). Переселение монголов в степи Восточной Европы не было массовым заселением новыми группами кочевников всех южнорусских степей. Пришлые монголы-номады концентрировались главным образом в Поволжье — центре Золотой Орды» [Федоров-Давыдов, 1965, с. 275—277].

Таким образом, Сынтыштамакский могильник — один из немногих памятников Заволжья, сохранивший черты материальной культуры монголов. Правда, здесь не найден монгольский головной убор — бокка, как в указанных Г. А. Федоровым-Давыдовым погребениях. Тем не менее целый ряд археологов (М. Ф. Обыденнов и другие) считает, что Сынтыштамакский могильник оставлен пришлыми этническими группами монгольского происхождения [См.: Обыденнов, Кантимерова, Тух, Банников, 1997, с. 30].

В Сынтыштамакском могильнике в двух случаях (курганы 6 и 12) седла лежали под головами покойников и в одном случае (курган 4) — в ногах. В размещении седел под головой покойного Г. Н. Гарустович видит этническую черту приуральского населения (в Кушулевском могильнике все седла (7) лежали под головами покойных) [См.: Гарустович, 1998. Гл. IV, с. 8]¹. Он даже считал Сынтыштамакские курганы памятником чиялыкской культуры [См.: Гарустович, 2011, с. 251].

Но размещение седел под головами умерших отмечено также в Азнаевском II некрополе, который никак не связывается с местным населением Южного Приуралья. «Считать эту черту исключительно монгольской — преждевременно, но именно так она трактуется в курганах Саянского каскада (Аймырлыг-II; Сарыг-Хая-III; и др.). И еще один элемент уводит нас на восток, в круг

¹ В погребениях кочевников степного Приуралья XII—XIV вв. седло обычно располагалось на коне (80 %), реже у ног человека (20 %) [См.: Матюшко, 2015, с. 27].

древностей монгольских племен. Речь идет о пластинчатых человеческих фигурках, называемых бурханами или онгонами (кург. № 2). И все же, мы считаем могильник (Сынтыштамак. — И. А.) не монгольским, а скорее, кыпчакским, испытавшим влияние монгольской обрядности».

Такие данные позволили связать Сынтыштамакский могильник уже не с чиялыкской культурой, а с восточными кыпчаками, жившими в степи по соседству с монгольскими народами (меркитами, кара-китаями, и др.). С кыпчакским наследием Г. Н. Гарустович связывает такие признаки, как земляные насыпи курганов, ориентировка умерших головами на юго-запад, исламские черты в некоторых захоронениях могильника [Гарустович, 2013, с. 155]. Но это слишком общие признаки, широко распространенные в степях Дешт-и Кыпчака золотоордынского времени. Описанный погребальный обряд трудно назвать кыпчакским, он практиковался смешанным населением, переходящим к исламу.

Возможно, в Сынтыштамаке наблюдается процесс, обратный кыпчакизации монголов, происходившей в Золотой Орде. Значит, кыпчаки тоже испытывали влияние монголов, особенно в восточном Дешт-и Кыпчаке. Очевидно, имеются в виду кыпчаки, вступившие в союз с меркитами и отказавшие монголам в их выдаче. Монголы разгромили кыпчакско-меркитскую коалицию, уцелевшим участникам которой пришлось искать спасение на севере.

В Сынтыштамакских курганах отсутствует главный признак монгольской погребальной традиции — ориентировка умерших головой на север. Таким признаком характеризуется Новоаккулаевское погребение в Давлекановском районе, которое мы связываем с меркитами [См.: Антонов, 2016а, с. 277—280]. Возможно, обе группы населения пришли в Башкирию почти одновременно: в 1216 г. Джучи разгромил меркитов, а потом, уже после взятия Ургенча в 1221 г., — приютивших их кыпчаков. Об этом сражении сообщает Абу-л-Гази: «Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам (башкирам. — И. А.). Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков» [Кононов, 1958, с. 44]. Сынтыштамакские курганы могли быть оставлены именно этими кыпчаками. Вслед за ними пришли и сами завоеватели, оставившие Азнаевский II могильник в Ишимбайском районе.

Соотносить Сынтыштамакские курганы с памятники мрясимовского типа не позволяет разная хронология этих памятников. Памятники мряси-

мовского типа не выходят за пределы домонгольского периода. Сынтыштамакский могильник не может быть датировать домонгольским периодом, не только по вещевому материалу, но и по мусульманским погребениям, появившимся в Башкирии не ранее XIV в. Сравнение Сынтыштамакского могильника с синхронными чияликскими могильниками не свидетельствует об однокультурной принадлежности этих памятников: Сынтыштамакский могильник курганный, а все чияликские могильники грунтовые. «Поэтому правильно ли вместе стыковать эти памятники как башкирские? Погребальный обряд двух типов, предметы материальной культуры при костяках тоже очень отличаются. В этой ситуации типологические матрицы получаются разные. Следовательно, на территории, где располагались вышеназванные погребальные памятники, пребывали и разные башкиры» [Яминов, Яминова, 2010, с. 41].

Село Сынтыштамак основано мишарями по договору 1802 г. о припуске на вотчинных землях башкир Канлинской волости Уфимского уезда [См.: Курбангулов, 2010, с. 185]. Башкирские канлы входят в родоплеменную группу кыпчаков [См.: Кузеев, 1978, с. 169]. В археологии уже сложилась традиция связывать с канглами, восходящими к печенегам, земляные курганы кыпчакского времени (западная группа памятников кочевников Южного Урала). Например, А. Ф. Яминов, не отрицая трансформации, которой подверглись канлы в результате ассимиляции части печенежских племен кыпчакской конфедерацией, предположил, что канлы «все же сохранили не только определенную независимость, но и основные черты погребального обряда, присутствующие собственно печенегам». По мнению цитируемого автора, «именно среди земляных курганов Волго-Уральского междуречья, где часть памятников обнаруживают прямое сходство в погребальном обряде с печенежскими захоронениями, присутствуют и памятники канлы» [Яминов, 1995, с. 26—27]. Как считает А. Ф. Яминов, канглам принадлежит часть земляных курганов Волго-Уралья с погребениями типа А I (простая могильная яма, западная ориентировка погребенного, без конского захоронения), хотя более трети погребений данного типа относятся к числу памятников золотоордынского мусульманского периода (имеются в виду безынварные погребения) [См.: Яминов, 1998, с. 180—189]. Именно к этому типу относятся, как «языческие», так и мусульманские погребения Сынтыштамакского могильника, расположенного несколько севернее основного ареала земляных курганов степной полосы Волго-Уралья — в приуральской лесостепи.

С этой точки зрения в Сынтыштамакских курганах можно видеть археологическое свидетельство кыпчакской миграции на территорию современной Башкирии.

В целом с А. Ф. Яминовым можно согласиться, но с одной существенной оговоркой. Ассимиляция кыпчаками огузо-печенежского населения и переход кыпчаков на огузо-печенежский погребальный обряд — хорошо известные в истории и археологии факты. Но в золотоордынское время (а именно этот период имеется в виду) кыпчакской конфедерации уже не было и никакой независимостью канглы уже не обладали. Следовательно, противопоставлять их кыпчакам уже не имеет смысла. Можно связывать с канглами земляные курганы, но нельзя отрицать принадлежность земляных курганов (как и самих канглов) кыпчакам. Выделить среди кыпчакских погребений погребения собственно канглов практически невозможно. Погребения типа А I преобладают и к западу от Волги, а там канглов не было [См.: Антонов, 2016б, с. 472—479].

Сходство погребального обряда Сынтыштамакского могильника с погребальным обрядом печенегов можно интерпретировать не только, имея в виду канглов. В науке до сих пор открытым остается вопрос об археологической культуре древних башкир, единственным критерием для выделения которой, по нашему мнению, является доказанное Р. Г. Кузеевым их этническое (и, стало быть, этнокультурное) родство с печенегами [См.: Кузеев, 1974, с. 136, 187]. Основным районом расселения древнебашкирских племен, согласно Р. Г. Кузееву, была Бугульминская возвышенность с левобережья Белой на востоке до левых притоков Волги на западе с прилегающими с юга степями [См.: Кузеев, 1974, с. 436—438]. Значит, там и надо искать памятники башкир. Пока же такие памятники неизвестны, за исключением нескольких курганов Сынтыштамакского могильника. С. М. Васюткин отрицает принадлежность этих курганов кыпчакам и монголам. По таким признакам погребального обряда, как небольшие земляные насыпи, индивидуальные захоронения в простых ямах, положение погребенных головой на запад с незначительными отклонениями на северо-запад и юго-запад, отсутствие костей лошади в могилах, носители Сынтыштамакских курганов сближаются с печенегами, от которых происходят башкиры. Другому населению, кроме башкир, эти курганы принадлежать не могли [См.: Васюткин, 1992, с. 129]. В. А. Иванов рассматриваемые курганы связывает с переселившимися в лесостепь кочевниками, гипотетически древними башкирами, но не кыпчаками. Сынтыштамакские

курганы находятся на северных отрогах Бугульминско-Белебеевской возвышенности, в то время как южные отроги возвышенности с конца IX в. «становятся северной периферией кочевий печенегов и союзных (и родственных) с ними древних башкир». Центральная часть возвышенности до сих пор остается «белым пятном» на археологической карте Приуралья, а известные там памятники «не исследовались, а потому никакой этноисторической информации не дают» [Иванов, 1995. № 2, с. 87—88]. Таким образом, Сынтыштамакский могильник свидетельствует о заселении башкирами всей территории Бугульминско-Белебеевской возвышенности в XIII-XIV вв. Могильник находится в междуречье рек Чермасан и Кармасан. Именно на этих реках находились старинные кочевья древнебашкирских племен бурзян, усерган, тангаур [См.: Антонов, 2015, с. 233—235, таблица 4].

Нам уже приходилось высказываться в пользу точки зрения о принадлежности Сынтыштамакских курганов башкирам. В пользу этой точки зрения свидетельствуют такие аргументы, как расположение курганов на Бугульминско-Белебеевской возвышенности, сходство погребального обряда с погребальным обрядом печенегов, наконец, краниологический материал [См.: Антонов, 2015, с. 91].

Краниологический материал Сынтыштамакского могильника «показывает довольно резкие расхождения» с синхронными черепами бассейна р. Урал [Юсупов, 2011, с. 105], но обнаруживает сходство с современными башкирами, что «предполагает генетическую преемственность» [Юсупов, 2011, с. 108]. В то же время материалы из Сынтыш-Тамака объединились с материалами по кочевникам Башкортостана IX—XII вв. [См.: Юсупов, 2011, рис. 1]. Это памятники мясимовского типа.

Разумеется, для выделения археологической культуры древних башкир одного могильника недостаточно. Необходим массовый материал, которого, к сожалению, на Бугульминско-Белебеевской возвышенности нет. Сынтыштамакские курганы, если считать их башкирскими, лишь подтверждают сделанный В. А. Ивановым более тридцати лет тому назад вывод, «что любая попытка выделения какой-то специфической раннебашкирской археологической культуры едва ли будет успешной, поскольку, как свидетельствует археологический материал, и на поздних этапах своего этногенеза как в плане материальной, так и духовной культуры башкиры оставались органической частью кочевого тюркоязычного мира степей Евразии» [Иванов, 1984, с. 96].

Обзор историографии показывает, что Сынтыштамакские курганы по ряду элементов можно свя-

зать и с кыпчаками, и с канглами, и с башкирами, и с монголами, и даже с приуральскими уграми. Чтобы принять или отбросить предложенные точки зрения, необходимо сопоставить рассматриваемый могильник с археологическими культурами позднего средневековья, имевшими место на Южном Урале.

В. А. Ивановым выделены представительные признаки погребального обряда кочевников XII—XIV вв. [См.: Иванов, 2013, с. 88—90, таблица 1]. По этим признакам можно сопоставить Сынтыштамакские курганы с расположенными к югу от них памятниками кочевников. Сынтыштамакские курганы сближаются с памятниками кочевников золотоордынского периода Урало-Поволжья по таким признакам, как земляные курганы, основные и впускные погребения, простые могилы, ориентировка головой на запад, северо-запад и юго-запад, железные наконечники стрел, берестяной колчан, костяные накладки лука, сабля, нож, кресало, сбруя без коня, стремяна, удила, пряжки, серьги, перстень, могилы без вещей, кости лошади и остатки подстилки в могилах. Не находят аналогий в земляных курганах кочевников Золотой Орды только такие предметы Сынтыштамакских курганов, как онгоны и сапоги. Меньше соответствия наблюдается между Сынтыштамакскими курганами и памятниками кыпчаков-половцев домонгольского периода Урало-Поволжья: среди последних отсутствуют такие признаки, указанные выше, как ориентировка погребенного на северо-запад, сабля, перстень и пряжки в могиле, могилы без вещей и с остатками подстилки.

По таким признакам, как земляные курганы, основные и впускные погребения, простые могилы, ориентировка головой на запад, северо-запад и юго-запад, наконечники стрел, обкладки лука, сабля, нож, кресало, сбруя без коня, стремяна, удила, поясной набор, серьги, могилы без вещей, остатки подстилки в могилах, Сынтыштамакские курганы сближаются с курганами огузо-печенежского периода (X—XI вв.) Урало-Поволжья. Но такие признаки Сынтыштамакских курганов, как берестяной колчан, перстень, онгоны, сапоги, кости лошади в могиле, в курганах огузо-печенежского периода не встречаются [См.: Иванов, 2006, с. 114—115].

На наш взгляд, сравнивать погребальный обряд Сынтыштамакских курганов с погребальным обрядом огузов достаточно трудно. В то же время погребальный обряд печенегов по таким признакам, как основные и впускные погребения, в простых могилах, в позе вытянуто на спине, головой на запад, конская сбруя, состоящая из удил и стремян, лук со срединными костяными накладками,

пояс с пряжкой, соответствует погребальному обряду Сынтыштамакских курганов. Но такие признаки погребального обряда печенегов, как два погребения под одной насыпью, дощатые гробы, шкура коня, положенная на дне могилы слева от человека, кости барана в могилах, конская сбруя, украшенная прорезными бубенчиками, глиняный лепной кувшин или горшок, в Сынтыштамакских курганах не встречаются [См.: Гарустович, Иванов, 2001, с. 94—95].

Памятники мрясимовского типа X—XIII вв. представлены погребениями под земляными курганными насыпями, каменными конструкциями в виде кольцевых оградок или набросок над могилами и в составе грунтовых могильников. В насыпях курганов встречаются следы кострищ и ритуальных захоронений частей конской туши — черепа и костей ног. В простых прямоугольных ямах зафиксированы остатки деревянных гробов, подстилок и берестяных оберток покойных. Умерших хоронили вытянуто на спине, головой на запад. Важным элементом погребального обряда является помещение в могилу черепа и конечностей лошади (свернутая шкура), уложенных у ног погребенного. При отсутствии конской шкуры ее заменяли принадлежностями конской сбруи: удилами, стременами, седлами, уложенными у ног или головы погребенного. Предметы вооружения представлены костяными накладками лука, железными и костяными наконечниками стрел, предметы повседневного обихода — железными ножами и кресалами, украшения — серьгами, бусами различных видов, пластинчатыми и проволочными бронзовыми браслетами, серебряными и бронзовыми накладками пояса, нашивками, пуговицами-бубенчиками и монетами с ушками для подвешивания. В женских и детских погребениях у головы умерших ставились лепные круглодонные сосуды с характерной примесью и орнаментом [См.: Археологические памятники Башкортостана, 1996, с. 51—52].

Такие признаки, как земляные курганы, простые прямоугольные могильные ямы с остатками подстилки, положение умерших вытянуто на спине, головой на запад, принадлежности конской сбруи, различные предметы вооружения, повседневного обихода и украшения, являются слишком общими, характерными для погребального обряда кочевников огузо-печенежского, кыпчакского и золотоордынского времени в степной зоне Урало-Поволжья, равным образом и носителей памятников мрясимовского типа в лесостепной и горно-лесной зоне Южного Урала. Помещение в могилу черепа и конечностей лошади тоже характерно для всех перечисленных разновидностей

памятников, правда, способы размещения конской шкуры в могиле различаются, но в Сынтыштамакском могильнике такого элемента погребального обряда нет. Обращает внимание такая особенность курганов мрясимовского типа, как удила, стремяна и седла, уложенные у ног или головы погребенного. Однако с учетом находок онгонов в Сынтыштамакском могильнике такая особенность объясняется влиянием, скорее, пришлого, нежели местного населения. При наличии аналогий в предметах вооружения и повседневного обихода, большинство украшений из погребений курганов мрясимовского типа аналогий в погребениях Сынтыштамакских курганов не имеет.

Еще труднее сравнивать погребальный обряд Сынтыштамакского могильника с погребальным обрядом чияликской культуры XIII—XIV вв., происхождение которой связывается с памятниками мрясимовского типа X — начала XIII в. Все чияликские могильники грунтовые. Захоронения совершались рядами, в простых прямоугольных могильных ямах, покойные лежали вытянуто на спине с ориентировкой головой к юго-западу или западу, с разворотом лицом к югу, без вещей. В погребениях, сохранивших элементы «языческой» обрядности, встречаются стремяна, удила, тесла, серьги, бусы, накладки, подвески, круглодонные сосуды [См.: Археологические памятники Башкортостана, 1996, с. 52—55]. Несмотря на то что Сынтыштамакский могильник и могильники чияликской культуры объединяет раннемусульманский погребальный обряд, носители чияликской культуры оказались в этом отношении более «продвинутыми». Сынтыштамакский могильник курганный, в нем более половины погребений содержали вещи. Как и в чияликских могильниках, костяки располагались вытянуто на спине, но разворот лица к югу строго не соблюдался, лицо могло быть развернуто на север, а при положении черепа на затылке обращено вверх. В чияликских могильниках, даже сохранивших элементы «языческой» обрядности, нет предметов вооружения, повседневного обихода, не встречаются остатки одежды и обуви, кости животных, подстилки из древесной коры. Различия объясняются тем, что носители чияликской культуры восприняли ислам из Волжской Булгарии, а носители Сынтыштамакских курганов — из степных областей улуса Джучи. Ислам в Волжской Булгарии давно уже стал господствующей религией, а в степях Урало-Поволжья такая религия только начала распространяться. В оседлой среде ислам утверждался быстрее, чем среди кочевников. Носители Сынтыштамакского могильника могли быть не только мусульманами. Обнаруженные в кургане 2 онгоны

характеризуют совершенно иные религиозные представления. А эти предметы были принесены монголами.

Связываемые с монголами памятники южно-сибирских кочевников X—XIV вв. достаточно хорошо известны по работам советских археологов. Погребения саянградской группы Западного Забайкалья характеризуются наличием плоской надмогильной каменной кладки округлой, овальной или подквадратной формы, положением костяка вытянуто на спине, в колоде, берестяном гробу или просто в яме, северной, северо-восточной и восточной, иногда западной ориентировкой. Инвентарь представлен предметами вооружения, конскими принадлежностями, одеждой и ее принадлежностями, украшениями, утварью, пищей [См.: Хамзина, 1970, с. 10—12]. Погребения Чиндантского и Будуланского могильников Восточного Забайкалья на поверхности обозначены овальными и округлыми каменными кладками, костяки заключены в гробы-колоды, лежали на спине в вытянутом положении, головой на север и северо-восток, сопровождалась бытовыми предметами, украшениями, предметами конской упряжи, вооружением [См.: Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984, с. 45—59, 112—113, таблица 3, с. 129—133]. Погребения Ангинского комплекса в Прибайкалье на поверхности обозначены выкладками округлых или овальных форм, сложенными из плитняка, костяки лежали вытянуто на спине, головой на восток, иногда в колодовых домовинах, инвентарь беден [См.: Асеев, 1980, с. 68—78, 135—136, 142—43]. Сынтыштамакские курганы по всем основным признакам монгольскому погребальному обряду не соответствуют. Там нет каменных кладок над могилами, захоронений в колодах, северо-восточной ориентировки погребенных. В такой ситуации находка онгонов в одном из погребений человека с юго-западной ориентировкой головы, повернутой лицом к югу, представляется каким-то загадочным явлением.

Таким образом, сравнение Сынтыштамакских курганов с синхронными и более ранними погребальными памятниками показало, что рассматриваемый могильник наиболее близок земляным курганам Волго-Уралья XIII—XIV вв. В то же время Сынтыштамакские курганы совсем не похожи на чияликские грунтовые могильники

и монгольские погребения под каменными кладками. Вопрос о сходстве погребального обряда Сынтыштамакских курганов с погребальным обрядом курганов мрясимовского типа нельзя считать окончательно закрытым, имея в виду еще и антропологическую близость носителей рассматриваемых памятников. Однако потомками носителей курганов мрясимовского типа считаются носители чияликской культуры, к которой Сынтыштамакский могильник никакого отношения не имеет. Однако близость Сынтыштамакских курганов одновременным им земляным курганам Волго-Уралья проблему этнической принадлежности носителей рассматриваемого памятника еще не решает. Можно допустить принадлежность Сынтыштамакских курганов кыпчакам, но земляные курганы XIII—XIV вв. связываются не только с кыпчаками, воспринявшими погребальный обряд предшествующего огузо-печенежского населения Волго-Уралья, но и с канглами, восходящими к печенегам. Правда, Сынтыштамакские курганы не настолько близки курганам печенегов, огузов и кыпчаков домонгольского времени, хотя, возможно, отмеченные различия носят не этнокультурный, а хронологический характер. Но связывать Сынтыштамакские курганы с кыпчаками мешают антропологические различия. С учетом расположения Сынтыштамакского могильника на вотчинных землях башкир Канлинской волости носителей этого памятника более вероятно связать с канглами. Но и канглы считаются выходцами из степи, пришедшими на территорию Башкирии в составе кыпчакской миграции. Кроме того, весьма проблематично: могли ли канглы, войдя в состав кыпчаков, сохранить свою этническую чистоту, язык, антропологический тип и материальную культуру? Не надо забывать и об этническом родстве канглов с башкирами, которым тоже могли принадлежать Сынтыштамакские курганы. Башкиры в XIII—XIV вв. находились в состоянии активного взаимодействия с кыпчаками. Кыпчаки, приходя в страну башкир, становились башкирами. Поэтому Сынтыштамакские курганы могли быть оставлены, как местным, так и пришлым населением. Местное население, по нашему мнению, наиболее вероятно связывать с башкирами, прошлое — с канглами.

Список литературы

1. Антонов, И. В. Раиль Гумерович Кузеев об этнической истории Волго-Уральского региона в эпоху средневековья / И. В. Антонов. — Санкт-Петербург : Свое издательство, 2015. — 248 с.
2. Антонов, И. В. Аккулаевское погребение и его место в этнической истории Южного Урала / И. В. Антонов // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научно-

му знанию (XX Уральское археологическое совещание) / отв. ред. Е. М. Черных. — Ижевск : УдГУ, 2016а. — С. 277—280.

3. Антонов, И. В. Канглы в истории и археологии Южного Урала / И. В. Антонов // Научный альманах. — 2016б. — № 6-1 (20). — С. 472—479.

4. Археологическая карта Башкирии / отв. ред. О. Н. Бадер. — Москва : Наука, 1976. — 268 с.

5. Археологические памятники Башкортостана / отв. ред. Ю. А. Морозов. — Уфа : Гилем, 1996. — 280 с.

6. Асеев, И. В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным) / И. В. Асеев. — Новосибирск : Наука, 1980. — 152 с.

7. Асеев, И. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений) / И. В. Асеев, И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев. — Новосибирск : Наука, 1984. — 200 с.

8. Васюткин, С. М. Сынтыш-Тамакский курганный могильник / С. М. Васюткин // V Уральское археологическое совещание / ред. колл.: Я. Н. Безносиков и др. — Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1967. — С. 121—123.

9. Васюткин, С. М. К изучению археологических памятников в Башкирии / С. М. Васюткин // Вестник Московского университета. Серия IX. История. — 1969. — № 5. — С. 57—71.

10. Васюткин, С. М. К этнической истории Южного Приуралья в XIII—XIV вв. / С. М. Васюткин // Материалы по археологии Южного Урала / отв. ред. Н. А. Мажитов. — Уфа : БГУ, 1992. — С. 114—130.

11. Гарустович, Г. Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры : дис. ... канд. ист. наук / Г. Н. Гарустович. — Уфа, 1998.

12. Гарустович, Г. Н. Огузы и печенеги в евразийских степях / Г. Н. Гарустович, В. А. Иванов. — Уфа : Гилем, 2001. — 212 с.

13. Гарустович, Г. Н. Сынташтамакские курганы / Г. Н. Гарустович // Башкирская энциклопедия : в 7 т. Т. 6. / гл. ред. М. А. Ильгамов. — Уфа: Башкир. энцикл., 2010. — С. 185—186.

14. Гарустович, Г. Н. Чияликская культура / Г. Н. Гарустович // Башкирская энциклопедия : в 7 т. Т. 7 / гл. ред. М. А. Ильгамов. — Уфа : Башкир.энцикл., 2011. — С. 251—252.

15. Гарустович, Г. Н. Степные кочевники в пределах Башкортостана: к вопросу о причинах и времени расселения кыпчаков в лесостепной зоне Южного Урала / Г. Н. Гарустович // Кыпчаки Евразии: история, язык и письменные памятники / под ред. Б. Е. Кумекова. — Астана : ЕНУ, 2013. — С. 148—161.

16. Гарустович, Г. Н. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX—XV вв. н. э.) / Г. Н. Гарустович, В. А. Иванов. — Уфа : БГПУ, 2014. — 328 с.

17. Иванов, В. А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал / В. А. Иванов // Памятники кочевников Южного Урала / отв. ред. В. А. Иванов. — Уфа : БФ АН СССР, 1984. — С. 75—97.

18. Иванов, В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв.) / В. А. Иванов, В. А. Кригер. — Москва : Наука, 1988. — 96 с.

19. Иванов, В. А. Бугульминско-Белебеевская возвышенность, как культурно-ландшафтная зона и проблемы ее археологического изучения / В. А. Иванов // Ядьяр. — 1995. — № 2. — С. 81—89.

20. Иванов, В. А. Сравнительно-типологическая характеристика погребальных памятников кочевников Урало-Поволжья огузо-печенежского и золотоордынского периодов (к вопросу об этнокультурной преемственности в кочевнической среде Евразии) / В. А. Иванов // Этнические взаимодействия на Южном Урале / отв. ред. А. Д. Таиров. — Челябинск : ЧелГУ, 2006. — С. 113—116.

21. Иванов, В. А. «Кипчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии / В. А. Иванов // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...) / сост. и отв. ред. И. К. Загидуллин. — Казань : Ихлас, 2013. — С. 77—100.

22. Кононов, А. Н. Родословная туркмен: сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского / А. Н. Кононов. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1958.

23. Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения / Р. Г. Кузеев. — Москва : Наука, 1974. — 571 с.

24. Кузеев, Р. Г. Историческая этнография башкирского народа / Р. Г. Кузеев. — Уфа : Башкирское кн. изд-во, 1978. — 263 с.

25. Курбангулов, Р. Г. Сынташтамак / Р. Г. Курбангулов // Башкирская энциклопедия : в 7 т. Т. 6 / гл. ред. М. А. Ильгамов. — Уфа : Башкир. энцикл., 2010. — С. 185.

26. Мажитов, Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. / Н. А. Мажитов. — Москва : Наука, 1977. — 240 с.

27. Матюшко, И. В. Погребальный обряд кочевников степного Приуралья IX—XIV вв. / И. В. Матюшко. — Оренбург : Университет, 2015. — 211 с.

28. Обыденнов, М. Ф. Археологические исследования Башкирского государственного университета (1957—1997) / М. Ф. Обыденнов, Э. Ф. Кантимерова, А. В. Тух, А. Л. Банников. — Уфа : БЭК, 1997. — 86 с.
29. Федоров-Давыдов, Г. А. Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья / Г. А. Федоров-Давыдов // Новое в советской археологии / отв. ред. Е. И. Крупнов. — Москва : Наука, 1965. — С. 275—277.
30. Федоров-Давыдов, Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники / Г. А. Федоров-Давыдов. — Москва : МГУ, 1966. — 275 с.
31. Хамзина, Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники) / Е. А. Хамзина. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. — 142 с.
32. Хангалов, М. Н. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 / М. Н. Хангалов. — Улан-Удэ : Республик. тип., 2004. — 508 с.
33. Юсупов, Р. М. Палеоантропология Южного Урала в связи с расо- и этногенезом башкир / Р. М. Юсупов // Антропология башкир / отв. ред. Н. Х. Спицына, Н. А. Лейбова (Суворова). — Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. — С. 91—118.
34. Яминов, А. Ф. Южный Урал в XIII—XIV вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Ф. Яминов. — Ижевск, 1995. — 30 с.
35. Яминов, А. Ф. Огузо-печенежские реликты в среде золотоордынского населения Волго-Уральских степей XIII—XIV вв. / А. Ф. Яминов // С. И. Руденко и башкиры / отв. ред. Р. М. Юсупов, М. В. Мурзабулатов. — Уфа : Гилем, 1998. — С. 180—189.
36. Яминов, А. Ф. Монголо-татарское нашествие и исторические судьбы степного и лесостепного населения Южного Урала в XIII-XIV веках / А. Ф. Яминов // Южный Урал в системе тюркских, финских и угорских культур Евразии / Оотв. ред. В. А. Иванов, Г. Н. Гарустович. — Уфа : Гилем, 2005. — С. 241—260.
37. Яминов, А. Ф. Этнос и культурная принадлежность: проблемы идентификации погребальных комплексов кочевников Южного Урала эпохи средневековья / А. Ф. Яминов, С. А. Яминова // Вестник Академии наук РБ. — 2010. — Т. 15, — № 4. — С. 38—43.

Сведения об авторе

Антонов Игорь Владимирович — старший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального инновационного центра Российской академии наук, кандидат исторических наук, доцент, место основной работы: Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального инновационного центра Российской академии наук, Уфа, Россия. igan73@yandex.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 2. P. 81—93.

Ethnicity of people of late medieval burials: syntyshtamak burial ground

I.V. Antonov

*Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev,
Ufa Scientific Center the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. igan73@yandex.ru*

The Syntyshtamak burial mound, located near the village of Syntyshtamak in the Blagovar district of the Republic of Bashkortostan, was studied by S. M. Vasyutkin in 1966. 17 medieval mounds contain 19 burials. 14 burials of them, including two inlet ones, date back to the second half of the 13th and 14th centuries. Eight burials contain things, six burials do not have any things. These are Muslim burials dating back to the 14th century. Historiography offers versions of the Syntyshtamak mounds belonging to the Bashkirs, the Kipchaks, the Mongols, the creators of monuments of the Mryasimov type and the Chiyalik culture. The variety of opinions provides evidence that there are mixed elements of the material culture and burial rite. Comparative analysis excludes the versions of the belonging of the Syntyshtamak mounds to the Mongols and the creators of monuments of the Chiyalik culture, and the version of their belonging to the creators of monuments of Mryasimov type is not justified chronologically, as these monuments do not go beyond the pre-Mongolian period. The Syntyshtamak mounds are earthen, and in their burial rite they are close to earth mounds of the Southern Urals of the Kipchak time which in turn preserved many features of the Oguzo-Pecheneg burial rite. The composition of the Kipchaks could have the Kangly, going back

to the Pechenegs. No less real is the version about the belonging of the Syntyshtamak mounds to the Bashkirs, the origin of which is also associated with the Pechenegs. The Syntyshtamak burial ground is located on the Bugulmin-Belebeyev Hill, which, according to R. G. Kuzeev, was the main area of settlement of the ancient Bashkir tribes. The cranial material of the burial ground reveals similarities with the Bashkirs of the present day. In any case the Syntyshtamak burial ground is considered to be left by the nomads of the steppe in the Volgo-Ural region, who moved to the Pryuralje forest steppe.

Keywords: Syntyshtamak burial ground, Bashkirs, Kangly, Kipchaks, Mongols.

References

1. Antonov I. V. *Rail' Gumerovich Kuzeev ob jetnicheskoj istorii Volgo-Ural'skogo regiona v jepohu srednevekov'ja* [Rail Gumerovich Kuzeev on the ethnic history of the Volgo-Ural region during the Middle Ages]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo. 2015. 248 p. (In Russ.).
2. Antonov I.V. Akkulaevskoe pogrebenie i ego mesto v jetnicheskoj istorii Juzhnogo Urala [Acculayev burial and its place in the ethnic history of the Southern Urals]. *Arheologicheskoe nasledie Urala: ot pervyh otkrytij k fundamental'nomu nauchnomu znaniju (XX Ural'skoe arheologicheskoe soveshhanie)* [Archaeological Heritage of the Urals: from the first discoveries to fundamental scientific knowledge (XX Ural Archaeological Meeting)]. Izhevsk, UdGU, 2016. Pp. 277—280. (In Russ.).
3. Antonov I.V. Kangly v istorii i arheologii Juzhnogo Urala [The Kanglys in the history and archaeology of the Southern Urals], *Nauchnyj al'manah* [Scientific Almanac], 2016, no. 6-1 (20), pp. 472—479. (In Russ.).
4. Bader O.N. (ed.). *Arheologicheskaja karta Bashkirii* [Archaeological map of Bashkiria]. Moscow, Nauka, 1976. 268 p. (In Russ.).
5. Morozov Ju.A. (ed.). *Arheologicheskie pamjatniki Bashkortostana* [Archaeological Monuments of Bashkortostan]. Ufa, Gilem, 1996. 280 p. (In Russ.).
6. Aseev I.V. *Pribajkal'e v srednie veka (po arheologicheskim dannym)* [Pribaikalya in the Middle Ages (according to archaeological data)]. Novosibirsk, Nauka, 1980. 152 p. (In Russ.).
7. Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. *Kochevniki Zabajkal'ja v jepohu srednevekov'ja (po materialam pogrebenij)* [Nomads of the Zabaykalje in the Middle Ages (according to burial materials)]. Novosibirsk, Nauka, 1984. 200 p. (In Russ.).
8. Vasjutkin S.M. Syntysh-Tamakskij kurgannyj mogil'nik [Syntysh-Tamak burial mound]. *V Ural'skoe arheologicheskoe soveshhanie* [V Ural Archaeological Meeting]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1967. Pp. 121—123. (In Russ.).
9. Vasjutkin S.M. K izucheniju arheologicheskikh pamjatnikov v Bashkirii [To the study of archaeological sites in the Bashkiria]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija IX: Istorija* [Moscow University Bulletin. Series IX: History], 1969, no. 5, pp. 57—71. (In Russ.).
10. Vasjutkin, S. M. K jetnicheskoj istorii Juzhnogo Priural'ja v XIII-XIV vv. [To the ethnic history of the Southern Pryuralje in the 13th and 14th centuries]. *Materialy po arheologii Juzhnogo Urala* [Materials on archaeology of the Southern Urals]. Ufa, BGU, 1992. Pp. 114—130. (In Russ.).
11. Garustovich, G. N. *Naselenie Volgo-Ural'skoj lesostepi v pervoj polovine II tysjacheletija nashej jery: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The population of the Volgo-Ural Forest Steppe in the first half of the 2nd millennium AD: a dissertation for a PhD in historical sciences]. Ufa, 1998. (In Russ.).
12. Garustovich G.N. Ivanov V.A. Oguzy i pechenegi v evrazijskikh stepjah [Oguzes and Pechenegs in the Eurasian steppes]. Ufa, Gilem, 2001. 212 p. (In Russ.).
13. Garustovich G.N. Syntashtamakskie kurgany [Syntyshtamak Mounds]. *Bashkirskaja jenciklopedija* [Bashkir Encyclopedia]. Vol. 6. Ufa, Bashkirskaja jenciklopedija, 2010. Pp. 185—186. (In Russ.).
14. Garustovich G. N. Chijaliskaja kul'tura [Chiyalik culture]. *Bashkirskaja jenciklopedija* [Bashkir Encyclopedia]. Vol. 7. Ufa, Bashkirskaja jenciklopedija, 2011. Pp. 251—252. (In Russ.).
15. Garustovich G.N. Stepnye kochevniki v predelakh Bashkortostana: k voprosu o prichinah i vremeni rasselenija kypchakov v lesostepnoj zone Juzhnogo Urala [Steppe nomads within Bashkortostan: to the question of the reasons and time of settlement of the Kipchaks in the forest-steppe zone of the Southern Urals]. *Kipchaki Evrazii: istorija, jazyk i pis'mennye pamjatniki* [Kipchaks of the Eurasia: history, language and written monuments]. Astana, ENU, 2013. Pp. 148—161. (In Russ.).
16. Garustovich G.N, Ivanov V.A. Materialy po arheologii srednevekovykh kochevnikov Juzhnogo Urala (IX—XV vv. n. je.) [Materials on the archaeology of medieval nomads of the Southern Urals (9th—15th centuries AD)]. Ufa, BGPU, 2014. 328 p. (In Russ.).

17. Ivanov V.A. Pogrebenija kypchakov v bassejne r. Ural [Burials of the Kypchaks in the Basin of the Ural River]. *Pamjatniki kochevnikov Juzhnogo Urala* [Monuments of nomads of the Southern Urals]. Ufa, BF AN SSSR, 1984. Pp. 75—97. (In Russ.).
18. Ivanov V.A., Kriger V.A. Kurgany kypchakskogo vremena na Juzhnom Urale (XII—XIV vv.) [Mounds of the Kipchak time in the Southern Urals (12th—14th centuries)]. Moscow, Nauka, 1988. 96 p. (In Russ.).
19. Ivanov, V. A. Bugul'minsko-Belebeevskaja vozvyshehnost', kak kul'turno-landshaftnaja zona i problemy ee arheologicheskogo izuchenija [Bugulmin-Belebeev hill as a cultural and landscape zone and problems of its archaeological study], *Jadkjar* [Yadkjar], 1995, no. 2, pp. 81—89. (In Russ.).
20. Ivanov, V. A. Sravnitel'no-tipologicheskaja harakteristika pogrebal'nyh pamjatnikov kochevnikov Uralo-Povolzh'ja oguzo-pechenezhskogo i zolotoordynskogo periodov (k voprosu ob jetnokul'turnoj preemstvennosti v kochevnicheskoi srede Evrazii) [Comparative-typological characteristic of the burial monuments of the nomads of the Uralo-Povolzje of the Oguzo-Pecheneg and Golden Horde periods (to the question of ethnocultural continuity in the nomadic environment of Eurasia)]. *Jetnicheskie vzaimodejstviya na Juzhnom Urale* [Ethnic interactions in the South Urals]. Cheljabinsk, ChelGU, 2006. Pp. 113—116. (In Russ.).
21. Ivanov V.A. «Kipchakizacija» Uralo-Povolzh'ja po dannym arheologii [“Kipchakization” of the Volag-Ural according to archaeology]. *Tjurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovcy...)* [Turkic nomads of the Eurasia (Kimaks, Kipchaks, Kumans...)]. Kazan', Ihlas, 2013. Pp. 77—100. (In Russ.).
22. Kononov A.N. Rodoslovnaja turkmen: sochinenie Abu-l-Gazi, hana hivinskogo [Turkmen pedigree: the work of Abu-l-Ghazi, Khan of Khiva]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1958. (In Russ.).
23. Kuzeev R.G. Proishozhdenie bashkirskogo naroda: jetnicheskij sostav, istorija rasselenija [The origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of resettlement]. Moscow, Nauka, 1974. 571 p. (In Russ.).
24. Kuzeev R.G. Istoricheskaja jetnografija bashkirskogo naroda [Historical ethnography of the Bashkir people]. Ufa, Bashkirskoe kn. izd-vo, 1978. 263 p. (In Russ.).
25. Kurbangulov, R. G. Syntashtamak [Syntashtamak]. *Bashkirskaja jenciklopedija* [Bashkir Encyclopedia]. Vol. 6. Ufa, Bashkirskaja jenciklopedija, 2010. p. 185. (In Russ.).
26. Mazhitov N.A. Juzhnyj Ural v VII—XIV vv. [Southern Urals in the 7th—14th centuries]. Moscow, Nauka, 1977. 240 p. (In Russ.).
27. Matjushko I.V. Pogrebal'nyj obrjad kochevnikov stepnogo Priural'ja IX—XIV vv. [Funeral rite of nomads of the steppe Pryuralje of the 9th—14th centuries]. Orenburg, 2015. 211 p. (In Russ.).
28. Obydenov M.F., Kantimerova Je.F., Tuh A.V., Bannikov A.L. Arheologicheskie issledovanija Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta (1957—1997) [Archaeological Research of the Bashkir State University (1957—1997)]. Ufa, BJeK, 1997. 86 p. (In Russ.).
29. Fedorov-Davydov, G. A. Bronzovye figurki cheloveka iz srednevekovyh pamjatnikov Povolzh'ja [Bronze figurines of man from medieval monuments of the Povolzje]. *Novoe v sovetskoj arheologii* [New in the Soviet archaeology]. Moscow, Nauka, 1965. Pp. 275—277. (In Russ.).
30. Fedorov-Davydov G.A. Kochevniki Vostochnoj Evropy pod vlast'ju zolotoordynskih hanov: arheologicheskie pamjatniki [Nomads of the Eastern Europe under the rule of the Golden Horde Khans: archaeological sites]. Moscow, MGU, 1966. 275 p. (In Russ.).
31. Hamzina E.A. Arheologicheskie pamjatniki Zapadnogo Zabajkal'ja (pozdnie kochevniki) [Archaeological Monuments of the Western Zabaykalje (Late Nomads)]. Ulan-Udje, Burjatskoe knizhnoye izdatel'sto, 1970. 142 p. (In Russ.).
32. Hangalov M.N. Sobranie sochinenij [Collection of essays]. Vol. 1. Ulan-Udje, Respublikanskaja tipografija, 2004. 508 p. (In Russ.).
33. Jusupov R.M. Paleoantropologija Juzhnogo Urala v svjazi s raso- i jetnogenezom bashkir [Paleoanthropology of the Southern Urals in connection with the raso- and ethnogenesis of the Bashkirs]. *Antropologija bashkir* [Anthropology of the Bashkirs]. Sanct-Peterburg, Aletejja, 2011. Pp. 91—118. (In Russ.).
34. Jaminov A F. Juzhnyj Ural v XIII—XIV vv.: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Southern Urals in the 13th—14th centuries: author's thesis of a dissertation for a PhD. in historical sciences]. Izhevsk, 1995. 30 p. (In Russ.).
35. Jaminov, A. F. Oguzo-pechenezhskie relikty v srede zolotoordynskogo naselenija Volgo-Ural'skih stepej XIII—XIV vv. [Oguzo-Pecheneg relics among the Golden Horde population of the Volgo-Ural steppes of the 13th—14th centuries]. *S. I. Rudenko i bashkiry* [S. I. Rudenko and the Bashkirs]. Ufa, Gilem, 1998. Pp. 180—189. (In Russ.).
36. Jaminov A.F. Mongolo-tatarskoe nashestvie i istoricheskie sud'by stepnogo i lesostepnogo naselenija Juzhnogo Urala v XIII—XIV vekah [Mongolo-Tatar invasion and the historical fates of the steppe and forest

steppe population of the Southern Urals in the 13th—14th centuries]. *Juzhnyj Ural v sisteme tjurkskih, finskih i ugorskih kul'tur Evrazii* [Southern Urals in the system of Turkic, Finnish and Ugric cultures of the Eurasia]. Ufa, Gilem, 2005. Pp. 241—260. (In Russ.).

37. Jaminov A.F., Jaminova S.A. Jetnos i kul'turnaja prinadlezhnost': problemy identifikacii pogrebal'nyh kompleksov kochevnikov Juzhnogo Urala jepohi srednevekov'ja [Ethnos and cultural affiliation: problems of identification of burial complexes of nomads of the Southern Urals of the Era of the Middle Ages], *Vestnik Akademii nauk RB* [Herald of the Academy of Sciences of RB], 2010, vol. 15, no. 4, pp. 38—43. (In Russ.).